

Н. И. Костомаров

**Черты народной
южнорусской истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н. И. Костомаров
Н11 Черты народной южнорусской истории / Н. И. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 112 с.

ISBN 978-5-4241-1421-2

Древнейшие известия о народах, занимавших Южнорусскую землю, очень скудны; впрочем, не без основания: руководствуясь как географическими, так и этнографическими чертами, следует отнести к южнорусской истории древние известия об антах, по крайней мере к юго-западной отрасли этого народа. По известию нашего летописца, улочи, бужане и тиверцы.

ISBN 978-5-4241-1421-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н. И. Костомаров, 2021

Н. И. Костомаров
ЧЕРТЫ НАРОДНОЙ
ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРИИ

I

ЮЖНОРУССКАЯ ЗЕМЛЯ. ПОЛЯНЕ-РУСЬ. ДРЕВЛЯНЕ (ПОЛЕСЬЕ). ВОЛЫНЬ. ПОДОЛЬ. ЧЕРВОНАЯ РУСЬ

Древнейшие известия о народах, занимавших Южнорусскую землю, очень скудны; впрочем, не без основания: руководствуясь как географическими, так и этнографическими чертами, следует отнести к южнорусской истории древние известия об антах,¹ по крайней мере к юго-западной отрасли этого народа. По известию нашего летописца,² улучи,³ бужане⁴ и тиверцы⁵ имели много городов по Бугу и Днестру вплоть до устья Дуная и до моря; они назывались у греков *Великая Скифия*. Летописец наш понимал так, что под этим народом должно разуметь народ, известный грекам; и действительно, мы встречаем у греческих писателей антов — народ славянского происхождения, на тех же самых местах. Невозможно, чтоб под именем антов разумелись только днестрянские жители; без всякого сомнения, этому имени придавали пространнейшее географическое значение. По толкованию ученых, *ант* есть прозвание старонемецкое (Szafarik, 402) и значит — *великан*; это наводит нас на предположение, что это слово «ант» должно быть то же название, что и *Великая Скифия* нашего летописца. Невольно мы встречаем соотношение с южнорусским преданием о том, что в Украине в древности жили люди исполинского роста — *велетни*, т. е. великаны, ходившие с целой сосной в руке, опираясь на нее, как на палку. Это высокорослое племя оставило свои следы в тех земляных валах и *могилах* (курганах), которыми усыпана Южная Русь. За свои грехи и за вражду между собою они были потоплены; после них явились другие великаны, — погибли тоже в свою очередь, и с тех пор род человеческий начал мельчать. Предание о великанах теперь уже сбилось с пути и, кажется, в нем надобно искать два предания: в одном народ признает великанов предками своими, воображает, что прежде род человеческий был рослее и массивнее, а впоследствии измельчал; а в другом признает великанов враждебными предкам народа, к которому принадлежат рассказчики, и даже нередко самих этих великанов считает более фантастическими чудовищами, чем людьми. Эти великаны имеют соотношение со змеями, такое значительное место занимающими в наших сказках, и, как видно, то же, что в летописных преданиях древние обры⁶ (чешек. Obg, польск. Olbrzym—великан), враги и Мучители славянского племени.

Слово *велетни* и предания о древних исполинах указывают на сходство, а может быть и единство их со словом *вельняне*,⁷ которым, по словам нашей летописи, заменились народные названия бужан и дулебов.⁸ У летописца нашего говорится в одном месте «бужане», после же «вельняне», а в другом месте, ниже первого, — «дулебы сидяху по Бугу, где ныне вельняне». Или дулебы славянская ветвь, впоследствии замещенная другою, или же одно название, древнее, одного и того же народа, заменилось другим — вельняне.

Следы названия дулебов остались до сих пор в некоторых местностях по Горыни. Так на реке Турий есть деревня Дулебы, между Никоподем и Гущею (в Ровенском уезде); три деревни под этим именем в Восточной Галиции, на реке Стрипе и в губернии Подольской; сверх того, созвучные названия попадают и в других местах Руси, даже не южной; например — Дулебчина в Гродненской губернии. Это распространение имени дулебов по пространству русского мира

указывает, что оно некогда имело значение шире и не ограничивалось одним только краем на Волыни.

Слово вельняне, кажется, имеет тождество с *вельнянами* (Масуди⁹), которые были некогда сильным народом, имели своего князя Мажека. Это указывает как бы на то, что в древности народы южнорусские составляли одно тело, в известной степени сильное, которое приняло название вельнян, т. е. великого народа. *Велинный* значит то же, что *великий*, то же, что *ант*. А как под именем антов разумели не какой-нибудь частный этнографический признак, но большой отдел славянского племени, то, вероятно, и под вельнянами разумеется не один какой-либо народ, а союз южнорусских народцев. Итак, название антов и вельнян и предания о *велянях* состоят между собою в связи и указывают на древнее единство и взаимную связь народов Южной Руси.

Западная часть этого народа, уже близ самых гор Карпатских, носила название *хорватов*. Правдоподобно производят это имя от *hrb* — *холм*, и в таком случае хорваты будут то же, что горали или гуцулы — жители Карпатских гор и их подножия. Назывались ли хорватами жители Восточной Галиции к границам нынешней России? Едва ли. По Днестру, как говорят, жили улучи и тиверцы; следовательно, жители берегов этой реки не назывались хорватами.

Хорваты, конечно, были близки к тиверцам и улучам; и теперь потомки хорватов, как потомки последних, — южноруссы по языку, с незначительными местными отменами.

Давнее знакомство с греками, вероятно, способствовало цивилизации южнорусского народа, и, конечно, она бы стояла на значительной степени, если бы, притом, не препятствовали ее развитию беспрестанные находы с Востока диких орд, причинявших ему разорение. Он был народ земледельческий, — об этом свидетельствуют греки в описании антов; да и из наших летописцев это видно, как показывает самое предание о том, что обры запрягали дулебов в плуги. Обряд, отправляемый отцом семейства в сочельник,¹⁰ по своему сходству с обрядом Свантовитова богослужения в Арконе,¹¹ указывает на свою древность и своим характером свидетельствует о древности земледелия у южнорусских славян.

Множество городов у днестрянских жителей, улучей, показывает, с одной стороны — небезопасность края, где жители подвергались неприятельским набегам и должны были укрываться в укрепленных городах, с другой — известное развитие оседлости и цивилизации, ибо, несмотря на опасности, они, вместо того, чтобы, подобнономадам, уйти прочь, предпочитали лучше оставаться в опасном крае и изыскивать средства для своего ограждения. Устройство городов указывает вместе с тем на существование в стране администрации; потому что где были города, там, конечно, к городам принадлежали округа: так везде было у славян. Сильным и энергичным народом в те времена, кажется, они не были, потому что их покоряли чужеземцы, как и удалось Олегу.¹²

Степень образованности южнорусских народцев издревле была различна. Так, по известиям нашего летописца, поляне¹³ изображаются цивилизованнее древлян.¹⁴ Поляне знают брак: у древлян, как и у других первобытных народов, удерживалось *умыканье* девиц. Как ни подозрительно могло бы казаться предпочтение, оказываемое в отношении нравственного образования полянам пред древлянами летописью, но действительно поляне имели более залога образованности, чем древляне: первые обитали близ большой реки и, следовательно,

могли завести удобнее знакомство с образованною Грецией и с берегами Тавриды,¹⁵ где еще сохранялись остатки древней образованности; поход Кия¹⁶ под Цареград,¹⁷ переселения Кия на Дунай и обратно — все это предания, в которых несомненно одно: давнее знакомство полян с Грецией.

Договоры Олега и Игоря¹⁸ достаточно показывают древность сношений полян-руси с Югом. Все, что говорится в этих договорах о Руси, должно относиться не только к чужеземной Руси, пришедшей в киевскую сторону, но и к туземцам Руси — полянам; ибо в договоре Олега говорится о *возобновлении* бывшей между христианами и Русью любви. Эта бывшая любовь, конечно, существовала между славянскими племенами и греками и не только у полян, но отчасти и у других славянских народов, которые чрез посредство полян имели сношения с греками. Видно, что они строили лодки и плавали по Днепру, ходили на море не для разбоев, а для мирных сношений: одни ловили рыбу на Белобережье, то есть у устья Дуная; другие с тою же целью плавали к берегам Тавриды. Некоторые ходили в Цареград на работы и проживали на службе в императорском войске. Очевидно, что эти известия в договоре относились не к одним пришельцам Руси, но и к тем, которые с ними смешались. В Цареграде жили русские торговцы и, вероятно, торг, который они вели с греками, был выгоден для последних, когда гости получали от императора месячину. Договоры Олега и Игоря говорят много об ограждении как русских, так и греков в их взаимных сношениях от порабощения личностей. Отсюда кажется достоверным, что самые войны Олега и Игоря возникли вследствие споров между полянами в Киеве и Византии,¹⁹ и одним из предметов этих споров было то, что торговцы и промышленники попадались в рабство: и тот и другой договор стараются прекратить торговлю людьми и обязуют с обеих сторон отпускать и выкупать из плена как русских, так и греков в их взаимных делах. Существование гостей у полян показывает, с одной стороны, значительное развитие экономического быта, а с другой — неравенство в распределении состояния. Уже тогда существовали *челядники*. Неизвестно, в каком отношении они были к другим сословиям — наемные или рабы, и на каких началах? У русских были продажные рабы в X столетии: это видно из Святославовых²⁰ слов, что *из Руси идет шкура, воск и челядь*. Таким образом, в числе вывозных русских товаров в Грецию были невольники. Но в договорах Олега и Игоря хотя говорится о *беглом челядине*, но в то же время дух договоров клонится к пресечению порабощения личностей, так что под *челядином* можно, по-видимому, разуметь служителя, убежавшего от договора с господином; ибо выражение *поработить* равносильно — *убить: аще обряцот Русь кубару греческую ввержену на коем любо месте, да не пребидят ея; аще ли возмет от нея кто что, ли человека поработить, или убъеть, — да будет повинен закону руску и греческу*.

Отправляя в Грецию шкуры, мед и воск, поляне получали оттуда паволоки — материи, бывшие тогда в употреблении, и одежды: предметы эти были признаком богатства и зажиточности. Другие товары, приходившие из Греции, были: вино, овощи и металлы. Поляне знали употребление металлов и монеты. Из Греции они получали золотые номизмы, с Дуная (из угров) серебро. В договорах Олега и Игоря ценность означает *греческими златницами*. Все это показывает достаточную зажиточность, по крайней мере между некоторыми, и знакомство с цивилизацией.

Сношения с Грецией распространили между полянами христианство. Едва ли можно предположить, чтоб только с половины IX века, то есть с Аскольда и Дира,²¹ проникло христианство в Киев; легенда об апостоле Андрее есть не что иное, как апотеоз памяти о древнем христианстве в той стране. Не может быть, чтобы христианская вера не проникала туда издавна путем торговли и путем проповеди. С половины IX века мы узнаем уже об открытом крещении Руси от многих византийских летописцев. Патриарх Фотий²² в окружающей грамоте оповестил отградное и счастливое для всей христианской церкви событие — обращение руссов. С тех пор христианская вера расцветала в Киеве и расширялась. В договоре Игоря мы встречаем и церкви — церковь Ильи,²³ которая была соборная; из этого видно, что были еще и не соборные. Летописец, назвав эту соборную церковь, заметил, что и многие варяги были крещены. Видно, христианство было настолько распространено, что могло привлечь к себе скоро пришельцев: если б число христиан было незначительно, то христианство едва ли могло бы иметь такое влияние на них, будучи религией только немногих. Христианству можно было научиться в Киеве: так научилась ему и сделалась христианкою мать Святослава.²⁴ Язычество, хладнокровно смотревшее на то, что новая вера более и более распространялась, только при Владимире²⁵ оказало деятельную оппозицию. Владимир поставил на холме богов, собравши каких мог — и славянских, и литовских. Он, кажется, облакал прежнее язычество в более определительные формы. Под 983 годом летописец²⁶ рассказывает о человеческой жертве, устроенной Владимиром: кажется, этот поступок был не жертвоприносительным, но выражением мщениия, ибо для жертвы был избран христианин; точно так и впоследствии литовцы вообще отличались нетерпимостью к христианству, всегда ссорились с новою верою и приносили в жертву своим богам из христиан, например, пленников немецких. Так как вера христианская стала уже сильно распространяться, Владимир принял сторону язычества, но тогда, конечно, возникла оппозиция со стороны христианства. Владимир отличался деспотическими наклонностями. Может быть, этому способствовало влияние хазаров. Недаром в речи своей на память Владимира оратор назвал его «хаганом». Как скоро хазарское слово «каган» вошло в Русь, то, конечно, вошли до известной степени и восточные понятия. Может быть, хазарским нравам следует приписать и это сладострастие Владимира, толпу жен и наложниц. Он начал преследование на христиан, и жертвоприношение варяга было одним из проявлений такого преследования. Под 988 годом рассказывается у летописца, что вдруг являются в Киеве разных вер учителей: они все хотели обратить в свою веру князя и народ. Что значит такое внезапное явление? Отчего они узнали, что в Киеве может быть перемена веры? Что заставило Владимира искать веры, когда он перед тем был таким ревностным язычником, и притом, как кажется, утвердителем языческой религии? И вдруг этот князь изменяет ей! Вероятно, оппозиция язычеству со стороны христианства взяла в Киеве верх, — князь должен был уступить, и сам князь, верно, увлекаясь большинством, начал сомневаться в божественности своих болванов. Подобное стечение вероучителей в одно время могло быть тогда только, когда к этому располагали внутренние обстоятельства страны, куда сошли эти вероучители. Почти несомненно, что принятие крещения Владимиром было не без того, что к этому его располагало существование сильной партии между киевлянами, исповедовавшей христианство и притом христианство пра-

вославною закона — восточного. По известию летописца, когда он собрал бояр своих и городских старцев и начал с ними советовать, какую ему веру выбирать из нескольких предлагаемых, тогда большинство признало, что лучше избрать греческую, и указывало на пример Ольги, называемой ими мудрейшею всех человеков. Конечно, если уже образовалось понятие о превосходстве греческой веры пред другими, то это показывает знакомство с нею и, следовательно, большее в сравнении с другими ее распространение. Многочисленностью православных христиан в Киеве до крещения Владимира объясняется и та покорность толпы, с которою киевляне стремились креститься по приказанию киевского князя. Вероятно, многие из некрещенных уже были расположены к христианству по научению своих близких и сами не смели креститься, а были очень довольны, когда князь уступил общему духу. Совсем иное произошло в Новгороде, куда христианство проникло не так удачно и не так давно, как в Киеве; там Добрыня²⁷ должен был употреблять оружие и огонь, чтобы приводить новгородцев на путь истины и спасения.

Без сомнения, сравнительное пред соседями превосходство образованности Киева и полян еще в язычестве содействовало тому, что этот народец соделался после крещения центром, связующим остальные племена славян. Иными являются древляне, их соседи. Здесь опять приходится то же сказать, что сказано уже по поводу полян. Описание древлян в черных красках, как, напротив, противники их — полян в светлых, показывает, что летописец не был изъят от народной нелюбви к древлянам, как не был изъят от привязанности к полянам. Но если мы сознаем, что и географические условия, и обстоятельства располагали полян к получению и развитию в себе большей образованности, то, с другой стороны, древлянам подобные условия препятствовали к ее достижению. Древляне жили в непроходимых дремучих лесах, а лесная жизнь, известно, способствует к одичанию: земля их была менее плодородна, скуднее были пути сообщения, которые бы знакомили их с образованным миром. Из рассказов, которые летопись помещает по поводу прибытия послов Мала²⁸ к Ольге, видно, что о них ходили такие же анекдоты, обличающие их глупость, какие и теперь ходят о полешуках,²⁹ потомках старинных древлян. Так, древлянские послы некстати говорят: «мы не идем и не едем на лошадях, а несите нас в ладьях»; и когда их несли в ладье, — о них говорит летописец, — что они *в перегах в великих сущугех гордящеся*. Ольга заманила их в западню. Цель рассказа показать глупость и несмышленность древлян, так как они не могли предвидеть своей беды. В том веке, когда еще были слабы узы обшества, сила и хитрость брали верх, и ум измерялся именно тем, чтоб не попасть в обман. Повесть не ставит в упрек Ольге ее вероломных поступков, но выставляет глупым народ, который легко было надуть. Древляне не были знакомы с духом мести и потому так доверились; это показывает, что у славян вообще она *была* мало развита: иначе, если бы даже предположить, что у полян существовала святость мщенья, а у древлян ее не было, то все-таки последние не доверились бы своим врагам; но еще не зная пришельцев с балтийского поморья, они думали, что можно и с ними поссориться, и потом помириться безопасно. Ольга пользуется новостью обычая, а уважительный тон повести об Ольге показывает, что славяне стали сами заимствовать этот обычай: впоследствии он как будто пропадает, ибо даже в драках наших позднейших князей замечается, как он смягчался и исчезал, — несомненно, что, кроме христианства,

на ослабление его действовал также перевес славянского элемента перед пришлоем. Избиение древлян на тризне, устроенной Ольгой в честь Игоря, и самое затаенливое мщение княгини посредством воробьев и голубей — все это показывает, что древлян почитали глуповатыми и простаками.

Из всех известий, переданных нам летописцем, видно, что у этого народа сохранились первобытные обычаи, которые у полян уже изменились под влиянием несколько высших понятий. У древлян было не нравившееся летописцу умывание девиц у воды — столь общее почти всем первобытным народам. Им известно было земледелие. Ольга склонила коростенян ей поддаться, выражается о других древлянах, что они *делают нивы своя и землю свою*: они занимались скотоводством и овцеводством, они употребляют сравнение Игоря с волком, когда этот зверь ворвется между овец, как у лесного народа, у них было в изобилии звероловство и пчеловодство, ибо давали дань шкурами и медом. Они были, как кажется, разделены на мелкие области, ибо говорят: *наши князи*. За одного из них, может быть, главного, Мала, приглашали идти замуж Ольгу — несчастное сватовство, кончившееся порабощением древлян.

Живя в лесных деревнях, древляне строили города, которые, по общему славянскому обычаю, имели значение господствующих местностей. Вместе с тем города были местом большей культуры, состоящей в земледелии; города древлянские не были тем, чем впоследствии обозначалось это название, вблизи них, жители занимались земледелием. В деревнях занимались более звероловством. Все города с землями составляли одну союзную землю, и существовало сознание о ее единстве; потому что когда Ольга покоряла древлян, то обходила с сыном Святославом *всю* Древлянскую землю.

По покорении Древлянской земли Ольга установила в ней ловища, места для ловли и сноса звериных шкур, которые составляли дань. Древляне должны были ловить зверей и доставлять шкуры в Киев и Новгород. Покорение древлян было не только подданством, но порабощением: Ольга оставила только *прок их* для платежа тяжелой дани, а других отдала в работу своим мужам. Соображая богатства Русской земли, шедшие, по словам Святослава, в Грецию, видно, что дань, наложенная на древлян, была выгодна для Киева по торговле с Грецией. Плоды трудов древлян переходили в Киев в руки князей и бояр и, отправляясь в Византию, променивались там на произведения Юга и, конечно, сами древляне не имели никакой выгоды: порабощенные, они должны были работать для господ.

Покорение древлян способствовало к формированию и усилению высшего класса, оседлости пришельцев и смешению народностей. Если бы принимать произвольно созданную нашими историками-исследователями теорию родового быта с патриархами-родоначальниками;³⁰ если бы родовая связь поглощала семейную, тогда надобно было бы принять издревле-строгое аристократическое начало, возвышение нескольких родов, унижение и порабощение других. Но изучая историю славянских народов и в особенности русского, замечая следы старого быта в памятниках, не видно, да и предположить нельзя, чтобы на родовых основаниях семьи находились под какой-нибудь зависимостью от известных лиц-родоначальников; а поэтому невозможно было образоваться родовому рабству, т. е. такому рабству, когда прежняя власть отеческая, по мере родственной отдаленности тех, которые должны были находиться к ней, так сказать, в сыновнем отношении, перешла во власть господскую. Семьи делились, и каждая семья,

если бы и создала связь с другою, то не была зависима одна от другой.

Покорение древлян если не вносило в жизнь южнорусских славян рабство вновь, то усиливало его, распространяло, упрочивало те начатки его, которые существовали истари, ибо целый народ объявлен был в рабстве. И это возвысило высший класс. Появлялись бояре, сильные, подобные князьям, имевшие свои дружины в Киеве, о которых осталась память даже в песнях (например, Иван Годинович, Чурило Пленкович). По происхождению своему эти бояре, как они назывались, были, во-первых, варяги-пришельцы и, во-вторых, — руссы-поляне, с массою которых совершилось порабощение древлянского народа. Поляне, и прежде ставшие уже в уровень с пришельцами, скоро усвоившими их народность, теперь еще более сливались; они пользовались равенством господских прав над покоренным народом: и пришлец и полянин-русин равным образом были господа, высший класс в отношении древлян. Часть порабощенного народа переведена была в землю полян — Русскую, другая осталась на месте, и руссы-поляне делались владельцами в земле древлян. Иначе не могло быть: надобно же было держать в покорности порабощенный народ. Слово *становища*, которое упоминается в летописи рядом со словом *ловища*, указывает на учреждение новых жилых мест, назначенных быть административными пунктами. Они именно могли быть поверены только руссам или полянам, но никак не древлянам. О становищах говорится, что то были *ее* (Ольги) становища; следовательно, здесь идет речь о такой части покоренной земли, которая досталась собственно на долю княгини и ее семейства. Если принять во внимание, что в то время другим отданы были в рабство древляне, то открывается, что в Древлянской земле явилось два рода господ; одни — владельцы тех, которых отдали в рабство, другие — в качестве должностных лиц, находившиеся на становищах. Ольга установила *уставы* и *уроки*, следовательно, определенные обязанности. Последнее слово (*уроки*) указывает на обязательные работы; надзирать над уроками и собирать дань по уставам должны были конечно те, которые поставлены были на становищах. Здесь история наша невольна, по сходству обстоятельств, совпадает с западною, где господствовала земельная раздача. Часть страны оставляет Ольга для себя в дань, другую раздает мужам своим — дружине. Но остается неизвестным, какая часть Древлянской земли была таким образом порабощена. Нельзя думать, чтобы один Искоростень; ибо хотя Ольга и говорит искоростенянам: «все ваши города предались мне и решились платить дань и обделывать свои нивы и земли, а вы хотите умереть от голода, не повинясь и не хотя платить дань», — но здесь Ольга обманывает древлян, сообразно своему обычаю; это видно из того, что летописец прежде этого заметил, что древляне побежали и затворились в своих городах, — следовательно, не сдались, как уверяла Ольга. Хотя после завоевания Искоростеня вся земля Древлянская была подчинена, и Ольга оставила в ней уроки, становища и ловища, но, вероятно, не все подверглись такой горькой судьбе, как Искоростень: последний осужден был подвергнуться особому мщению. Таким образом, вероятно, большей степени порабощения подвергся Искоростень, чем другие, конечно те, которые добровольно сдавались, пользовались большею льготою, чем те, которые оказывали упорство. Но, как видно, Ольга повсеместно в Древлянской земле расставила своих мужей.

Такое отношение двух соседних народов должно было развить в обоих разные взгляды и характеры. Поляне — народ победительный. Древляне — покоренный;

первые — господа, вторые — рабы, и, конечно, из этого должны были произойти разные проявления общественного и домашнего быта, разное течение истории. Киев делался центром управления народов не только близких, но и более далеких. Покорение древлян, показавшее силу Русской земли, еще более должно было утвердить мысль о первенстве ее над другими народами. Но так как ни обстоятельства не способствовали утверждению централизации, ни понятия о ней не развивались, то вместе с другими землями и древляне скоро начали жить самостоятельно жизнью уже в удельном порядке; это началось тогда, когда Святослав дал одному из сыновей своих, Олегу,³¹ в удел Древлянскую, или Деревскую землю. Центром всей Древлянской земли стал тогда Овруч. Граница Древлянской земли протягивалась по соседству к Киеву; ибо выехавши из Киева на охоту, можно было охотиться на Древлянской земле. Кто знает, не проявилось ли восстание побежденных во вражде двух братьев и что побежденные настроили Олега убить Свенельдова сына? Это было в 975 г., через 5 лет после воцарения Олега в Древлянской земле и через 20 лет после покорения Древлянской земли. Когда Олег вышел против Ярополка, то у него был полк, а не дружина; следовательно (как выходит постоянно по смыслу слова полк) были ополченные жители края, собранные на битву. Здесь снова древляне воинственною силою ополчались на полян, хотя и под измененными условиями. Но когда Олег был убит, Ярополк, переняв волость своего брата, не видел сопротивления. В продолжение тридцати лет расселившиеся по Древлянской земле русины успели пустить в народе идею, что над ними имеет право владеть княжеский род; а потому оппозиция, если бы и была, то происходила бы уже под влиянием этого нового, умеряющего начала.

К сожалению, мы не знаем отношений полян к другим южнорусским народам: дулэбам, улучам, тиверцам, хорватам.³² Еще в конце IX века с улучами и тиверцами Олег не мог скоро справиться, и под годами 884—885 сказано, что Олег имел с ними рать. Во время похода в Цареград (904—907) эти народы, а равно и хорваты, участвуют в его ополчении против греков. Из этих известий заключили, что тогда, значит, народы эти были уже покорены Олегом, может быть, до некоторой степени. Но так как Олег взял их в свое войско, то едва ли это было бы возможно, если бы покорение их сопровождалось таким же порабощением, как древлян Ольгою, ибо в тот век участие в войне было принадлежностью свободных. В договоре Олега говорится, что этот договор с греками заключен от «имени его, великого князя и светлых князей сущих под его рукою». Вероятно, после войны с улучами и тиверцами Олег как-нибудь должен был помириться, и они стали от него в зависимости на выгодных для себя условиях. Что касается до хорватов, то они первый раз были подчинены и отняты у поляков только при Владимире.

Прилив пришлого народонаселения сообщил новый оттенок характеру полян и развил в них воинственный элемент. Это поддерживалось походами против греков. Мы не знаем поводов, руководивших руссами в этих набегах; но это не было просто одни разбойничьи набеги, потому что в договорах виден народ торговый, и греки дорожили сношениями с ним. Скорее всего надобно предположить, что повествователь — по обычаю летописцев — умалчивает о причинах: не выставляет пружин, руководивших походами русских, исключая Святославова похода; а эти причины, вероятно, заключались в столкновениях с греками, преимущественно по торговле. Поляне долго, кажется, не могли показывать